

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Научная статья
УДК 94(100)“1914/19”; 94(436).08
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-1-266-275

Мифологизация Талергофа: от коммеморации к политическому мифу

Александр Романович ЮРЛОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
yurlovsasha@mail.ru

Аннотация. Проблема формирования политического мифа вокруг австро-венгерского лагеря для интернированных лиц Талергоф, действовавшего в годы Первой мировой войны неподалеку от австрийского города Грац, занимает важное место в изучении истории русинского народа. В связи с появлением возможности проведения сравнительного анализа немецкого и украинского списков узников лагеря, нами предлагается новая оценка отечественных и зарубежных источников по исследуемой теме, которые долгое время служили основой для формирования широко распространенного историографического облика лагеря. В результате исследования выяснены ключевые вехи и эпизоды формирования В.Р. Вавриком политического мифа вокруг Талергофа как концентрационного лагеря для уничтожения представителей русинского населения. Проведенная работа демонстрирует, что и иные известные межвоенные оценки сущности лагеря Талергоф, как правило ссылающиеся лишь на работы В.Р. Ваврика, существенно преувеличивали степень трагедии ввиду недостатка альтернативных данных. По итогам работы отмечена недопустимость возведения истории Талергофа в ранг большой, чем национальная трагедия русинского населения Галиции и Буковины. Определено также, что история лагеря неслучайно стала политизированным мифом о намеренном «геноциде» и «Голгофе» русинского населения, необходимым узким политическим кругам для решения задач национального строительства и, к сожалению, всерьез воспринятым абсолютным большинством отечественных историков. Проведенное исследование расширяет поле для предметных дискуссий вокруг истории одного из наиболее политизированных лагерей Первой мировой войны и предлагает иной подход к оценке событий изучаемого периода.

Ключевые слова: Талергоф, русофильство, Первая мировая война, Австро-Венгрия, коммеморация

Для цитирования: Юрлов А.Р. Мифологизация Талергофа: от коммеморации к политическому мифу // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 1. С. 266-275. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-1-266-275>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-1-266-275

The mythologization of Thalerhof: from commemoration to political myth

Aleksandr R. IURLOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
yurlovsasha@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Юрлов А.Р., 2022

Abstract. The problem of the development of the political myth around the Austro-Hungarian internment camp Thalerhof, which operated during World War I near the Austrian city of Graz, takes an important place in the study of the history of the Rusyn people. Given the possibility of a comparative analysis of German and Ukrainian lists of prisoners of the camp, we offer a new assessment of domestic and foreign sources on the subject under study, which for a long time served as the basis for the development of a widespread historiographical image of the camp. As a result of the study, the key milestones and episodes of V.R. Vavrik's development of the political myth around Thalerhof as a concentration camp for the extermination of representatives of the Rusyn population are clarified. The research shows that other well-known inter-war assessments of the nature of the Thalerhof camp, usually referring only to the works of V.R. Vavrik, substantially exaggerated the extent of the tragedy due to a lack of alternative data. The results of the work indicate that the history of Thalerhof cannot be elevated to a higher rank than the national tragedy of the Rusyn population of Galicia and Bukovina. It was also defined that the history of the camp has become a politicized myth about the intentional "genocide" and "Calvary" of the Rusyn population, necessary for narrow political circles to solve the problems of nation-building and, unfortunately, taken seriously by the absolute majority of national historians. The study expands the field for substantive discussions of the history of one of the most politicized camps of the World War I and offers a different approach to the assessment of the events of the studied period.

Keywords: Thalerhof, Russophilia, World War I, Austria-Hungary, Commemoration

For citation: Iurlov A.R. Mifologizatsiya Talergofa: ot kommemoratsii k politicheskomu mifu [The mythologization of Thalerhof: from commemoration to political myth]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 266-275. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-1-266-275> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

История функционирования австро-венгерского лагеря для интернированных лиц Талергоф является наиболее политизированным эпизодом антирусифильской кампании в годы Первой мировой войны. Немногочисленность источников по данной проблеме стала первопричиной широко распростра-

нившегося мнения исследователей о том, что в своей сущности Талергоф являлся концентрационным лагерем для уничтожения русофильски настроенных представителей русинского населения. Однако появление в открытом доступе украинских списков узников лагеря и сравнение его с ключевыми источниками по проблеме открывают перед иссле-

дователями новые возможности в определении истинного характера лагеря Талергоф.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Нами была предпринята попытка систематизировать имеющиеся представления о сущности Талергофа и провести сравнительный анализ имеющихся источников со вновь полученными данными из украинских списков с целью определения наиболее противоречивых фактов из истории лагеря.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из первых и наиболее полных источников по истории талергофского вопроса, безусловно, является «Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914–1917 годов». Этот уникальный сборник, вышедший из-под пера общественных деятелей, исследователей и бывших узников лагеря, состоявших в так называемом львовском Центральном Талергофском комитете, принадлежавшем к русофильскому крылу (редактор альманаха – галицко-русский публицист С.Ю. Бендасюк), публиковался в межвоенный период четырежды: в 1924, 1925, 1930 и 1932 гг.

Особенностью и очевидным преимуществом этого труда является тот факт, что в нем сохранились непосредственные свидетельства, документы, воспоминания и даже некоторые фотографии и творчество не только узников лагеря Талергоф, но непосредственных очевидцев и жертв австрийского террора вне его стен, а также некоторые материалы их родственников.

Однако следует отметить, что никакой попытки систематизации полученных данных вплоть до середины 1930-х гг. исследователями не предпринималось: «Талергофский альманах» в его четырех выпусках демонстрирует нам, помимо повседневной жизни узников в лагере Талергоф, картину многочисленных актов насилия, казней и ре-

прессий за его пределами, однако иные задачи составителями альманаха решены все-таки не были. Так, полноценный список узников Талергофа и прочих жертв австро-венгерского террора планировалось опубликовать в рамках пятого выпуска сборника «Талергофский альманах», однако начавшаяся вскоре Вторая мировая война не поспособствовала этому: многие собранные документы и свидетельства, а также и сами списки узников, подготовленные Талергофским комитетом, были безвозвратно утрачены, а деятельность самого комитета была полностью остановлена. Лишь в начале 50-х гг. XX века в очередной раз назрела необходимость вернуться к работе по увековечиванию имен узников Талергофа. Примечательно, что произошло это в связи с юбилейными событиями: на историко-политическом горизонте в то время появилась дата 300-летия воссоединения Левобережной Украины с Россией.

Отметим, что «Талергофский альманах», несмотря на кажущуюся широкую известность в научной среде, весьма скупо используется в историческом сообществе. Так, в работе австрийской исследовательской группы в составе Н.-М. Голль, Г. Хоффмана и Ф. Лесиакмы находим альманах в списке источников, однако ссылок на работу в самой книге нет. Это тем более удивительно, что исследовательская группа, основываясь на австрийских документах, достаточно детально воссоздала повседневные условия жизни узников в лагере, которым посвящены многочисленные дневники самих узников, опубликованные в четырех томах альманаха. При этом все-таки необходимо уточнить, что большинство мельчайших деталей о быте в лагере, содержащихся в «Талергофском альманахе», совпадают с источниками исследовательской группы, что может говорить о высокой степени достоверности как воспоминаний узников, так и текста современной австрийской научной работы.

При этом многие отечественные исследователи и публицисты предпочитают «Талергофскому альманаху» другой источник – откровенно русофильские работы галицко-

русского (русинского) писателя и историка В.Р. Ваврика, который в годы Первой мировой войны сам прошел через лагерь Талергоф. И хотя наиболее популярной и цитируемой следует считать его работу «Терезин и Талергоф», вышедшей в свет в 1960-е гг., базовые принципы и идеи она унаследовала из ряда публикаций В.Р. Ваврика межвоенного периода. По замечанию И.И. Баринова, именно с подачи В.Р. Ваврика понятия «Терезин» и «Талергоф» стали «идейными паролями русофильского движения, которые он пытался вывести за рамки интеллигентских рассуждений» [1, с. 259]. Так, в двадцатую годовщину событий, в 1934 г., В.Р. Ваврик обращался к теме репрессий и лагерной «Голгофы» не менее сорока раз – как в публицистике, так и в художественных произведениях «для народа».

Остановимся подробнее на суждениях В.Р. Ваврика, которые, на наш взгляд, способствовали формированию весьма неоднозначного и отчасти некорректного восприятия Талергофа как его современниками, так и последующими поколениями исследователей и рядовых жителей Галиции.

В отличие от «Талергофского альманаха», который по существу являет собой лишь слабо систематизированный сборник воспоминаний узников Талергофа и лиц, пострадавших от австро-венгерского насилия, без излишних дополнений редакторов сборника, способных существенно скорректировать сущность работы, «страшный Талергоф» В.Р. Ваврика представляет собой «лютейший застенки из всех австрийских тюрем», а также «немецкую преисподнюю». «Муки в Талергофе», описанные В.Р. Вавриком в весьма едком публицистическом стиле, действительно поражают читателя, создавая ощущение присутствия в концентрационном лагере, созданном для уничтожения русинского населения [2, с. 93, 104].

Примечательно, что В.Р. Ваврик нередко выгодно ссылался в своих работах на воспоминания и записки из «Талергофского альманаха», который сам по себе несет несколько иной посыл: этот источник в действительности формирует отношение к Талергофу как

к месту, которое, хотя и стало трагедией для населения Галиции, но вовсе не было «Голгофой», предназначенной для «геноцида карпато-русских москвофилов». Как мы уже выяснили, условия жизни в лагере были катастрофическими лишь с санитарно-эпидемиологической точки зрения, а отнюдь не в том ключе, о котором сообщает нам В.Р. Ваврик. Приведем в качестве подтверждения ряд примеров.

Приводя собственное описание Талергофа, В.Р. Ваврик неоднократно указывает на то, что пользовался «дневниками и записками талергофских невольников» [2, с. 93], хотя сам являлся узником Талергофа и мог ссылаться на других заключенных лишь для дополнения общей картины или сравнения отдельных фактов. Помимо этого, многочисленные дневники и мемуары узников, как мы уже знаем, в деталях описывают лагерный быт, подтверждая тем самым австрийские источники, а также отражают внутренние переживания авторов.

В публицистическом же тексте В.Р. Ваврика обыденные речевые конструкции «я видел», «я вспоминаю», «со мной произошло», «мне...» отсутствуют полностью, хотя закономерно предположить, что описанные им голод, заболевания и эпидемии, жестокости военных не могли не коснуться его самого. Узник Талергофа В.Р. Ваврик, сообщающий о страшной «Голгофе», практически ничего не рассказывает о собственных буднях в Талергофе за исключением ряда общих фраз: «сидел в углу барака над сбитым из досочек столиком» и выпускал рукописный сатирический журнал «Талергофская хандра». Примечательно, что сведения о некоем рукописном издании действительно обнаруживаются в воспоминаниях Феофана Курилло, однако он пишет о нем, как о журнале из Терезина. При этом имеются свидетельства издателя работ В.Р. Ваврика священника Р.Н. Самело о том, что сохранился лишь единственный экземпляр этого журнала, находящийся в частной коллекции П.С. Гардого, который занимался переизданием «Талергофского альманаха» в 1960-е гг., в США, а потому подтвер-

дить достоверность существования этой работы на данный момент затруднительно [3, с. 4].

При этом, как было выяснено ранее, ни голод, который имел место в лагере, ни злодеяния австрийских военных не носили регулярный и катастрофический характер: быт в Талергофе не походил на «лагерь смерти». Несмотря на упоминание жестокостей и произвола в лагере, мемуары действительно указывают на имевшие там место положительные явления, в то время как работы В.Р. Ваврика представляют апокалиптическую картину.

На еще одну странность обращает внимание отечественный исследователь истории Талергофа И.И. Баринов. В четвертом выпуске «Талергофского альманаха» В.Р. Ваврик в деталях описал подробности собственного ареста австрийскими военными при попытке пересечения линии фронта, после чего его отправляют во львовскую тюрьму «Бригидки» и транспортируют в Терезин, режим содержания в котором отличался благожелательным отношением администрации и местного населения (цит. по: [4, с. 99]). В предисловии к изданию его работы 1966 г. предлагается совершенно иная версия: согласно ей, В.Р. Ваврик был арестован «по доносу шовиниста-украинца» [3, с. 3]. Никаких деталей ареста здесь не приводится, в то время как в тексте 1930 г. он указывал, что был переведен в крепость за несколько дней до взятия Львова российскими войсками, а именно – в конце августа 1914 г. Нет в текстах и упоминаний о дате перевода В.Р. Ваврика из Терезина в Талергоф.

При этом в издании 1966 г. В.Р. Ваврик сообщает, что «крепость опустела» спустя несколько дней после Пасхи 1915 г., которая отмечалась в том году 22 марта/4 апреля [3, с. 33]. Таким образом, есть основания полагать, что в Терезине В.Р. Ваврик пробыл до конца марта 1915 г.

При этом в «Талергофском альманахе» содержатся свидетельства, говорящие нам о том, что транспорт с интеллигенцией из Терезина прибыл в лагерь лишь в начале мая 1915 г., а в краткой биографии В.Р. Ваврика

из «Талергофского альманаха» сообщается, что он попал в лагерь через год после отправки в Терезин, после чего был призван в армию на итальянский фронт. Воспоминания священника Григория Макара относят этот призыв к периоду с июля по ноябрь 1915 г. В некрологе писателя указано, что он был зачислен в полк в октябре 1915 г. [5, с. 18].

Весьма неясная картина пребывания В.Р. Ваврика в лагере тем не менее позволяет предположить, что он мог находиться в лагере от 3 до 8 месяцев в промежутке с марта по октябрь 1915 г. – то есть в период, когда эпидемия тифа уже пошла на спад и ситуация в лагере в целом была стабильной. На наш взгляд, именно этот факт объясняет специфику работ В.Р. Ваврика: безусловно, будучи молодым человеком (на момент попадания в Талергоф ему было 24 года), он мог оказаться под впечатлением от условий содержания в лагере и рассказов о количестве смертей зимой 1914–1915 гг. Тем не менее он не был свидетелем этого наиболее трагического периода существования Талергофа, а потому не имел фактического права составлять описанную им «действительность».

Быт лагеря, описанный как в воспоминаниях «Талергофского альманаха», так и в работе исследовательской группы, основанной на документальных австрийских источниках, указывают нам на неподготовленность военных и местных властей к размещению столь внушительного числа узников. В.Р. Ваврик указывает, что «до зимы 1915 г. в Талергофе не было барачков», и «люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз» [3, с. 36], однако мы выяснили, что лишь несколько первых дней были в действительности проведены узниками в чистом поле, после чего начали разворачиваться палаточный городок и строительство барачков.

Более того, В.Р. Ваврик отождествляет понятия «талергофец» и «русин», хотя установлено, что, несмотря на абсолютное большинство населения Галиции, в лагере были представители и иных народностей, в частности – поляки, евреи. У Т.М. Исламова имеются также отдельные сведения о сло-

венцах и более сорока румынах, которые попали в Талергоф в начале его существования [6, с. 439]. В целом, эти данные соотносятся с результатами работы исследовательской группы и сведениями из «Талергофского альманаха», где мы находим утверждения, что после очередного транспорта, прибывшего в лагерь, на площади «слышится речь польская, цыганская и румынская», и «между нами находятся хорошие люди, особенно чехи». Упоминаний о словаках в «Талергофском альманахе» нет, однако можно предположить, что под ними узники могли понимать тех же чехов.

Кроме того, как и в случае с «Алфавитным указателем жертв...» Р.Д. Мировича, в текстах В.Р. Ваврика мы встречаем не только жертв Талергофа, но и имена тех лиц, которые погибли за его пределами от австро-венгерского террора. О смерти в самом Талергофе В.Р. Ваврик пишет весьма противоречиво: «Смерть в Талергофе редко была естественной. Там ее прививали ядом заразных болезней. По Талергофу триумфально прогуливалась насильственная смерть» [3, с. 39]. Однако сам В.Р. Ваврик упоминает лишь несколько случаев насильственной смерти, ссылаясь на воспоминания из «Талергофского альманаха», остальных же он помечает, как «погибших в Талергофе».

Действительно, мы можем обнаружить ряд насильственных смертей в лагере, на что указывают не только мемуары, но и данные австрийской исследовательской группы [7, S. 82]. Однако число подобных случаев было крайне мало – несопоставимо с числом смертей от того же тифа. Кроме того, как отмечает исследовательская группа, все случаи насильственной смерти становились предметом разбирательств в администрации лагеря. И тем не менее не было установлено ни единого случая, где была бы признана вина военного, неправомерно убившего узника. При этом мы осознаем, что в условиях военного времени у охраны лагеря в действительности могли быть широчайшие карательные полномочия в отношении любого сомнительного действия узника, что и служило причиной последующего их юридического оправдания,

хотя на практике злоупотребления вполне могли иметь место.

Таким образом, есть все основания полагать, что работы В.Р. Ваврика не носят объективный характер. Они, в отличие от того же «Талергофского альманаха», могли иметь совершенно иные цели: не сохранить память и рассказать правду о Талергофе и его узниках, а создать ужасающий «политический миф», вокруг которого можно сплотить народ-мученик для решения определенных целей. Одной из них вполне можно считать противостояние с противоположным по устремлениям «украинофильством» и украинским национализмом.

Так, в работах В.Р. Ваврика отчетливо прослеживаются антиукраинские настроения, все украинцы, имевшие отношение к Талергофу, изображаются в крайне негативном свете как предатели и доносчики. Он отмечает, что «Украинские хитрецы и фальсификаторы истории пускают теперь в народ всякие блахманы, будто в Талергофе мучились «украинцы»... Горсточка «самостийных» украинцев, которые в военном замешательстве, по ошибке или по доносам своих личных противников, попали в Талергоф, очень скоро, благодаря украинской комиссии в Граце во главе с доктором Иваном Ганкевичем, получили свободу».

И.И. Баринов высказывает предположение, что в 20-е гг. XX столетия представители русофильской интеллигенции неслучайно стали собирать свидетельства переживших «военный абсолютизм» [8, с. 91]. Нет сомнений, что мемуары очевидцев были продиктованы ужасом от столкновения с новой реальностью, в них действительно ощущается глубокая эмоциональная травма, которая выражена в гиперболизированной форме. Не стоит упускать из вида и особенности национального самосознания населения Галиции, а также предшествовавшие Первой мировой войне противоречия с имперским центром.

Проблема же заключается в том, что все эти источники были использованы впоследствии как в политической и околонучной публицистике, так и в достаточно серьезных научных работах, тем самым исказив их фи-

нальный облик, сформировав достаточно глубоко укоренившееся представление о Талергофе как о «Галицийской Голгофе». На наш взгляд, эта страшная страница в истории русинского населения, являющаяся бесспорной трагедией, все же требует более осторожного подхода к оценке и достойна занять отведенное ей место в истории, а не в политической мифологии.

Н.М. Пашаева отмечает, что межвоенные украинские историки, как правило, стремились не говорить о Талергофе либо упоминать его мимоходом, а Талергоф представлять в качестве трагедии западноукраинского населения [9, с. 149].

В целом, указанная позиция отражает действительность. Нередко исследователи упоминают наиболее известную в этом контексте работу галицкого юриста, узника Талергофа В. Маковского «Талергоф. Воспоминания и документы», вышедшую в свет в 1934 г., в которой автор в частности упоминает о составлении так называемых украинских списков жертв Талергофа [10, с. 97]. Эти списки использовались в том числе и в более поздней работе Р.Д. Мировича, однако сами по себе они являются немногочисленными, чуть менее 300 имен, что лишний раз подчеркивает, с одной стороны, пестрый этнический и идеологический состав лагеря, с другой стороны, особое место немногочисленных украинофилов в истории Талергофа.

Отметим, что, несмотря на взаимодействие австрийского руководства с некоторыми украинскими организациями и определенные преференции украинофилам, они также не были застрахованы от непредсказуемости военной юстиции. Тот же В. Маковский оказался в Талергофе просто потому, что начало войны застало его у друзей в Одессе, откуда он с трудом пробрался домой в Галицию [10, с. 56]. Другой украинофил, Владимир Чировский, участвовавший в притеснениях русофилов в Талергофе, был затем приговорен военным судом за вымогательство у заключенных и взяточничество к шестилетней каторге. Показательно, что летом 1915 г., после начала новой волны репрессий, связанной с

отступлением русских войск из Галиции, в Талергофе оказались и украинофилы, участвовавшие в арестах русофилов в предыдущем году [4, с. 216].

Работа В. Маковского – своеобразный памятник «украинскому Талергофу», представляющий реальность жизни в лагере с позиций тех узников, которые придерживались противоположных русофильству взглядов [10, с. 253]. Примечательно, что и в работе В. Маковского мы также находим сведения о так называемых «подачках» украинофилам со стороны австрийских властей, которые подтверждают выводы многих узников Талергофа об особом положении и статусе украинофилов в лагере, которые крайне нетерпимо относились к «галицкой тарабарщине» и россиянам. Неудивительно, что на подобном фоне возникали радикальные русофильские интерпретации сущности лагеря Талергофа как «Галицийской Голгофы».

По словам участника австрийской исследовательской группы Н.-М. Голль, именно талергофские события повлияли на самосознание русинов как этнической группы [11, с. 273]. В этой связи необходимо отметить, что в соответствии с классификацией, предложенной немецким культурантропологом А. Ассман, изложенной в работе «Длинная тень прошлого», лица, прошедшие через Талергоф, – это скорее жертвы и религиозные свидетели-мученики с ярко выраженной травматической памятью [12, с. 71]. Феномен же Талергофа, возводимый в ранг геноцида, исключительно «галицкой Голгофы» или «украинской трагедии», можно считать попыткой искусственного формирования политизированной социальной памяти. В пользу этого говорит тот факт, что травматическое наследие лагеря аккумулируется в большинстве случаев в связи с русинской (в меньшей степени – украинской) проблематикой, хотя, как было показано, в Талергофе находились далеко не только одни русины.

Нужно подчеркнуть, что талергофский нарратив сразу приобрел явно выраженный виктимный характер. На основе реальных событий, изложенных в том же «Талергоф-

ском альманахе», искусственно стал формироваться широко распространенный эпос, получивший в русофильской печати наименование «галицкая/галицийская Голгофа». Неудивительно в этой связи то, что те русины, которые самостоятельно бежали в глубь страны и укрывались от боевых действий в лагере для беженцев Гмюнд, описаны в «Талергофском альманахе» с откровенным презрением как своеобразные предатели, не желавшие разделить судьбу своего народа и поспешившие «под крыло» своего «государя». Подобный болезненный симптом подталкивает нас к выводу о намеренной чрезмерной мифологизации и политизации проблемы в межвоенные годы.

Вместе с этим в описываемых талергофских событиях уже в 20–30-е гг. XX столетия просматриваются и откровенные антизападные черты. Так, по мнению редакторов «Талергофского альманаха», Австро-Венгрия неслучайно избрала для Талергофа «русское население Прикарпатья», поскольку именно оно играло роль «предохранительной оболочки», через которую Запад не мог проникнуть в «сердцевину» русского мира. К сожалению, как мы можем наблюдать, этот политический миф нашел широкое распространение даже в научной литературе, и многие отечественные публикации заявляют сегодня уже едва ли не о забытой «Русской Голгофе» [13, с. 73], восстановление исторической памяти о которой должно способствовать «адекватному ответу «научной» русофобии» [2, с. 7].

Многие материалы того «Талергофского альманаха», который, на наш взгляд, является наиболее точным источником по истории Талергофа, также стали частью политического мифа. Так, например, одна из наиболее известных фотографий, опубликованных в третьем выпуске альманаха, которая демонстрирует сцену казни трех жителей Галиции

Р. Березовского, Л. Кобылянского и П. Жабяка, с заядлой регулярностью стала использоваться в качестве примера австрийских изуверств в лагере Талергоф [3, с. 33]. Процесс по их делу подробно описывался в конце 1924 г. львовской газетой “Dziennik Ludowy”, потом данные материалы были перепечатаны в «Талергофском альманахе». Вместе с тем ни в самом «Талергофском альманахе», ни в работе Р.Д. Мировича нет указаний на то, что повешение происходило в лагере. Более того, тот же Р.Д. Мирович приводит сведения о том, что казнь состоялась в Мукачеве, неподалеку от Львова, по приговору суда львовского военного коменданта практически в 500 км от лагеря Талергоф в сентябре 1914 г. Таким образом, подтверждается, что использование этой фотографии, как и целого ряда иных визуальных источников, недопустимо применительно к истории лагеря Талергоф.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высоком уровне политизации истории лагеря Талергоф. Сравнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении источников демонстрирует наличие существенных расхождений в оценке исследуемых событий. Наибольшее влияние на формирование отрицательного образа лагеря для интернированных лиц оказали антирусски настроенные авторы, крупнейшим из которых является В.Р. Ваврик. При этом сопоставление его выводов с данными иных источников, в которых зафиксировано множество талергофских фактов, подводит нас к размышлениям о намеренной политизации истории лагеря с целью формирования новой идентичности русинского населения Галиции и Буковины.

Список источников

1. *Баринов И.И.* Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914–1956 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1. С. 239–273.

2. Ваврик В.Р. Геноцид карпато-русских «москвофилов» – намеренно замолчанная трагедия XX века. Воспоминания узника концентрационного лагеря Талергоф. М.: Изд-во Консервативного клуба, 2007. 144 с.
3. Ваврик В.Р. Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966. 97 с.
4. Клопова М.Э. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. С. 209–219.
5. Минович Р.Д., Аристова Т. Доктор В.Р. Ваврик [Некролог] // Журнал Московской патриархии. 1971. № 1. С. 18–19.
6. Мировые войны XX века / отв. ред. В.К. Шацилло. М., 2005.
7. Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne: Gabriele Schäfer Verlag, 2010. 212 S.
8. Баринов И.И. Образ Талергофа в антиукраинской и антизападной мифологии современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 2. С. 75–103.
9. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. 201 с.
10. Маковский В. Талергоф. Воспоминания и документы. Львов, 1934. 260 с.
11. Goll N.-M. Die Ruthenen und das k.k. Zivilinterniertenlager Thalerhof bei Graz 1914–1917 // Historisches Jahrbuch der Stadt Graz. 2010. Vol. 40. S. 269–290.
12. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 323 с.
13. Суляк С.Г. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4. С. 69–75.

References

1. Barinov I.I. Tri zhizni doktora Vavrika: k istorii odnogo mifa iz proshlogo Galitsii, 1914–1956 gg. [The three lives of dr. Vavrik: toward a history of a myth from galicia's past, 1914–1956.]. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* [Forum of Modern Eastern European History and Culture], 2016, no. 1, pp. 239–273. (In Russian).
2. Vavrik V.R. *Genotsid karpato-russkikh «moskvofilov» – namerenno zamolchannaya tragediya XX veka. Vospominaniya uznika konsentsratsionnogo lagerya Talergof* [The genocide of the Carpathian-Russian “Muscovites” is a deliberately silenced tragedy of the 20th century. Memories of a prisoner of the Thalerhof concentration camp.]. Moscow, Conservative Club Publ., 2007, 144 p. (In Russian).
3. Vavrik V.R. *Terezin i Talergof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Thalerhof. To the 50th anniversary of the tragedy of the Galician-Russian people]. Filadel'fiya, 1966, 97 p. (In Russian).
4. Klopova M.E. Terezin i Talergof: tragediya «tiroľtsev vostoka» [Terezin and Thalerhof: the tragedy of the “Tyrolians of the East”]. *Narody Gabsburgskoy monarkhii v 1914–1920 gg.: ot natsional'nykh dvizheniy k sozdaniyu natsional'nykh gosudarstv* [The Peoples of the Habsburg Monarchy in 1914–1920: From National Movements to the Creation of National States]. Moscow, 2012, pp. 209–219. (In Russian).
5. Mirovich R.D., Aristova T. Doktor V.R. Vavrik [Nekrolog] [Dr. V.R. Vavrik [Obituary]]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1971, no. 1, pp. 18–19. (In Russian).
6. Shatsillo V.K. (executive ed.). *Mirovyye voyny XX veka* [World Wars of the 20th Century]. Moscow, 2005. (In Russian).
7. Hoffmann G., Goll N.-M., Lesiak P. *Thalerhof 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer*. Herne, Gabriele Schäfer Verlag, 2010, 212 S. (In German).
8. Barinov I.I. *Obraz Talergofa v antiukrainskoy i antizapadnoy mifologii sovremennoy Rossii* [The image of Thalerhof in the anti-Ukrainian and anti-Western mythology of modern Russia]. *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury* [Forum of Modern Eastern European History and Culture], 2015, no. 2, pp. 75–103. (In Russian).
9. Pashayeva N.M. *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian Movement in Galicia in the 19th and 20th centuries.]. Moscow, 2007, 201 p. (In Russian).

10. Makovskiy V. *Talergof. Vospominaniya i dokumenty* [Thalerhof. Memories and Documents]. Lviv, 1934, 260 p. (In Russian).
11. Goll N.-M. Die Ruthenen und das k.k. Zivilinterniertenlager Thalerhof bei Graz 1914–1917. *Historisches Jahrbuch der Stadt Graz*, 2010, vol. 40, pp. 269-290. (In German).
12. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014, 323 p. (In Russian).
13. Sulyak S.G. Talergof i Terezin: zabytyy genotsid [Thalerhof and Terezin: The Forgotten Genocide]. *Rusin*, 2008, no. 3-4, pp. 69-75. (In Russian).

Информация об авторе

Юрлов Александр Романович, аспирант направления подготовки 07.00.03 Всеобщая история (нового и новейшего времени), Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.10.2021
Одобрена после рецензирования 28.01.2022
Принята к публикации 11.02.2022

Information about the author

Aleksandr R. Iurlov, Post-Graduate Student of 07.00.03 General History (New and Modern Times) Programme, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-0356-5800](https://orcid.org/0000-0003-0356-5800), yurlovsasha@mail.ru

The article was submitted 26.10.2021
Approved after reviewing 28.01.2022
Accepted for publication 11.02.2022